

Отвечить на девять вопросов «Литературной газеты» не так уж просто, хотя бы потому, что некоторые из этих вопросов поставлены так, что несут в себе и неизбежность совершенно определенных ответов. В самом деле, какой разумный человек объявит себя, к примеру, приверженцем фильмов, в которых насилие, жестокость или прямая порнография возведены в норму человеческого существования?! И вряд ли найдется такой чудак, который станет отрицать невиданное ни для какого другого рода искусств (хотя бы вследствие всеобщности своего распространения) влияние кинематографа на жизнь современного человека. Кинематограф — фольклор нашего времени. Ведь герои кинолента сходят с экрана и проникают в жизнь современного общества с той же настойчивостью, что и любимые герои фольклора.

Однако я как будто уже и ответил на первый вопрос. Да! Но телевидение! Является ли оно антагонистом кинематографа? В идейно-художественном плане ни в коей мере!

Сложнее обстоит дело с конкурентной стороной «существования» кино и телевидения. Но, увы! Вопрос этот столь запутан, что «распутать» его мимоходом — задача безнадежная.

2. «У озера» С. Герасимова. Это фильм серьезных, больших размышлений о самой сути нашей жизни.

«Бег» А. Алова и В. Наумова. Я издавна являюсь приверженцем этих талантливых, всегда находящихся в поиске мастеров. «Бег» — наиболее зрелое их произведение. И самое главное: советское революционное кино в истоках своих было эпическим. Постепенно эпическая струя уходила из практики нашего кинематографа или приобретала чисто декоративную функцию. Будущее же нашего кино видится мне в слиянии эпического и лирического, то есть в больших народных движениях, умноженных на отчетливость индивидуальных характеров. «Бег» несет в себе зерна именно такого соединения

человеческому кинематографу. Наиболее сильное впечатление произвел на меня фильм «Под стук трамвайных колес» А. Куросавы, совершенство, с каким автор-режиссер рассказал в этом фильме о неумирающей способности человека к мечте, даже в самых чу-

любивого в ней, не только не потеряла своего поэтического очарования, но стала одним из самых значительных и любимых читателями женских образов мировой литературы.

Искусствовед Наталья Соколова однажды рассказывала хорошо запомнив-

зал, рассказывая, вернее, повторяя те рассказы о картинах, что были им слышаны от экскурсоводов. Но вот он и его гости пришли к одной из прекраснейших картин галереи — к «Спящей Венере» Джорджоне. Слепящая своей светлой наготой,

Ариштам Лео Оснарович, народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий, кинодраматург и режиссер.

Окончил в 1923 году Ленинградскую консерваторию, в Театре имени В. Мейерхольда руководил музыкальной частью. Поэзия Л. Ариштама окончательно посвящает себя работе в кино: сначала — в качестве звукорежиссера, а затем — сценариста, режиссера. Среди его работ — «Златые горы», «Встречный», «Подруги», «Зоя», «Софья Перовская», «Урок истории», «Глинка», экранизация балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

Лео АРИШТАМ:

ДОРОГ ЗВУК ИСТИННОЙ ПОЭЗИИ

довичных условиях существования.

3. На этот, третий, вопрос я как будто уже ответил в своем маленьком «вступлении».

Впрочем... секс?! Если, задавая вопрос, «Литгазета» подразумевает под сексом порнографию, поразившую своими язвами современное западное искусство, то отношение к этой, с позволения сказать, проблеме может быть только резко отрицательным.

Мне довелось видеть несколько фильмов, в которых герой и героиня деловито имитировали половой акт. Зрелище с экрана, по меньшей мере, малоаппетитное. Порнография — самое мерзкое и самое скучное изобретение человека-зверя, и никакого иного чувства, кроме чувства глубокого стыда, у морально здорового человека она не вызывает и не может вызвать.

Однако я не люблю и не понимаю искусства бесполо-пуританского.

«Любовное», по терминологии «заметок» Л. Толстого, — пуритански очищенное — приводит и к потере поэтического. В тех же предварительных заметках к роману «Война и мир» Л. Толстой, намекая

на меня «новеллу». В дни, когда картины Дрезденской галереи были открыты для обозрения москвичей, один из милиционеров, охранявших выставку, как-то, уже после часов, отведенных для осмотра, попросил разрешения привести «своих», чтобы в тишине показать им картины. Он вел их: свою жену, сынишку лет 14, еще двух-трех родичей, а то и просто друзей из зала в

на фоне глубокого пейзажа, она предстала перед гостями милиционера. На этот раз он долго молчал, сосредоточенно вглядываясь в картину. А потом негромко сказал: «Вот, смотрите... Голая — а не стыдно!». Простая эта «рецензия» таит в себе немалый смысл. Прекрасное — всегда прекрасно... И не стыдно!

Но... чего доброго, меня могут заподозрить в том,

что я ратую за «ню» в наших фильмах! Ни в коем случае!.. Все, о чем я рассказал выше, есть свидетельство лишь моего беспокойства о том, что любовное в наших последних фильмах лишено и сложности, и страстной напряженности чувств, лишено той прекрасной игры страстей, которой так сильна великая русская литература. А приниженное лишь до уровня бытовой необходимости, это любовное теряет самую свою поэтическую суть — звук истинной поэзии!

Вот и поют в фильме «Если ты мужчина...», недавно выпущенном на экран, эдакое:

...Мы с тобой на любим
слов красивых,
Но без них нельзя сейчас...

Какова поэзия? А?!

4. «Политическое кино»! Оно нынче на Западе в моде. И хотя эта мода мне значительно больше по душе, чем, скажем, недавно отошедшая в прошлое мода на некоммуникабельность, все же следует тщательно разбираться, в каких случаях это «политическое» служит действительно прогрессивным идеям времени, а в каких — оно является лишь камуфляжем тех или иных, по существу реакционных идей, сдобренных псевдореволюционной фразой.

5. Более всего мечтаю снять фильм о Бетховене. Почти все мои фильмы были фильмами о людях героического действия. Думая о Бетховене, я думаю о человеке героического духа.

6. Воздействие кинематографа на современную литературу в какой-то мере несомненно. И все же фундаментом кинематографу, на мой взгляд, служит литература, литература и еще раз литература. В кинематографе отдаю предпочтение кинороману, которое лучшими своими многосерийными телефильмами доказало жизнеспособность кино- или телеромана в самом широком объеме.

7. Предпочитаю героя активной мысли и активного действия! Впрочем, кто ответит иначе на этот вопрос?! А между тем серьезный ответ на него требует очень серьезных размышлений, хотя бы на тему о самом понятии героического начала в современном искусстве.

8. Чепуха. Кино по самой своей природе глубоко демократично. От этого так велика и ответственность тех, кто создает фильмы.

9. Выбрал бы я профессию кинематографиста, если бы мог «начать с начала»? Предпочитаю не задумываться над этим. Поздно.